

ПЕРСОНА

Недавно отметил свое 50-летие Виктор Коркия, автор скандально известной пьесы "Черный человек, или Я бедный Сосо Джугашвили". Впрочем, задолго до постановки пьесы читающая публика знала его как поэта, одного из лидеров "новой волны", громко заявившей о себе в начале 80-х. Десятилетие спустя вездный читатель мог заметить его фамилию в выходных данных ряда книг — Коркия стал одним из первых в стране частных издателей. А читатели нашей газеты, наверное, помнят КЛЮД — Клуб Любителей Долларов, отцом-основателем которого был все тот же Коркия. Впрочем, в интересах следствия его имя тогда не разглашалось, так как возникновение КЛЮДа вызвало панику на нью-йоркской бирже (см. "МК"), и рубль, в доклюдские времена деревянный, стал зеленеть не по дням, а по часам. Другой мог бы спокойно почивать на лаврах финансовой стабилизации со своей Милкой (жену Виктора Коркия зовут Людмила, она — актриса театра МГУ). Но не Виктор Коркия! Несколько лет назад прогремела его новая, граничащая с абсурдом затея — поэт предложил всем желающим купить у него... Вселенную! Звезды, туманности, черные дыры, галактики — все с молотка, оптом и в розницу! И когда популярный телеведущий торжественно объявил, что "сегодня истек срок, данный Виктором Коркией Организации Объединенных Наций, чтобы предьявить свои права на Крабовидную туманность и Большое Магелланово Облако", по слухам, просочившимся из ЦРУ, у президента США случился нервный срыв. В результате он не смог выполнить свои президентские обязанности перед Моникой Левински, из-за чего она и подала на него в суд (см. "МК"). Нервный срыв друга Билла отозвался эхом в Москве: сердечно-сосудистая деятельность Кремля перешла в государственную — грянула рельсовая война, и вопрос о налогах с физических лиц встал ребром. Мы решили задать Виктору Коркия несколько вопросов.

— Виктор, за четверть века, что я тебя знаю, ты прославился множеством чудачеств, но для меня лично ты прежде всего поэт. Помню твои полусонеты, кстати, впервые напечатанные в "Московском комсомольце" лет, наверное, двадцать назад. Что заставляет одаренного поэта бесконечно искать иные формы самореализации?

— Чудачество и чудо — в этих словах один корень. Поэзия — чудо, но занятие поэзией — разве не чудачество? Сам посудите — писать стихи. В рифму. И это — после Пушкина! После Мандельштама! После Бродского! Надо быть большим чудачком. И потом, что одному кажется чудачеством, для другого естественно. Скажем, для меня естественно на выступлениях представляться так: "Виктор Коркия, не член Президентского совета РФ". Это чудачество?

— Это — прикол.

— Это — чистая правда. Не член я его. И что касается продажи Вселенной — говорят, прикол. А по-моему, это — метафора. Образ тотальной продажи — всеми и всех, всего и вся. Но при этом образ поэтический — звезды, галактики, черные дыры. Не ГКО, прости, Господи! И еще: Вселенную можно продать только один раз, понимаешь? Другой-то нет. И еще: Вселенная — Родина Человечества. Продать родину — помнишь эти слова? Это все смыслы — один, другой, третий, в образе бесконечное число смыслов, а в приколе — ни одного.

— Образ и продажа? Почти "гений и злодейство". А они, по словам Пушкина, несовместны.

— Я думал об этом. И первоначальная идея была чисто литературной. Написать роман. "Продавец Вселенной". Но что интересней — написать роман или попытаться разыграть это в жизни, чтобы потом, может быть, написали роман о тебе?

— Тебе интересней второе?

— Кажется, это мысль Толстого — что литература только тогда литература, когда она больше, чем литература. Чтобы увидеть картину на плоскости, нужно выйти из этой плоскости. Это чувствовали все великие. Каждый по-своему. Может быть, величайшее произведение Пушкина — его судьба. С большой буквы — Судьба. И если я драматург, кому же как не мне заниматься розыгрышами? Есть и еще одно обстоятельство. Дело поэта в том, чтобы внести гармонию в мир. Еще в 1920 году Александр Блок гениально предугадал, что преградой этому вовсе не обязательно должна была цензура, можно замутить и сами источники гармонии! Написать еще в 20-м году, что, вероятно, "такие средства уже изыскиваются" — именно так! — мог только гений, напряженно вслушивающийся в подспудное движение Истории. Мы живем в мире, где источники гармонии невероятно замутнены. "На берега пустынных волн, в широкошумные дубровы" современный поэт убежать не может — ни пустынных волн, ни дубров в природе больше нет. Нет, собственно, и самой природы! Есть окружающая среда, день защиты которой ежегодно отмечают ее губители.

— Ты хочешь сказать, что в современном мире нет ни поэтов, ни поэзии, что их время прошло?

ВИКТОР КОРКИЯ:

ДОПИСЫВАЮ "ГАМЛЕТА"

— Это было бы слишком печально. Я в это не верю. Но, думаю, что поэзия не может в определенном смысле не трансформироваться. Впрочем, какие-то трансформации происходили всегда. Помнишь, у Баратынского: "Промчался век эпических поэм, и повести в стихах пришли в упадок...". Но сейчас, по-моему, происходит гораздо более глубокий процесс. Искусство всегда было неким усилителем. Поэт своим искусством усиливал свое слово. Но сейчас появились и другие, причем очень мощные усилители. Скажем, ТВ. Оно позволяет имеющим к нему доступ воздействовать практически на всех. Сегодня Николай Фоменко влияет на общество несоизмеримо больше, чем Иосиф Бродский.

— Ну не стоит преувеличивать влияния шоу-бизнеса.

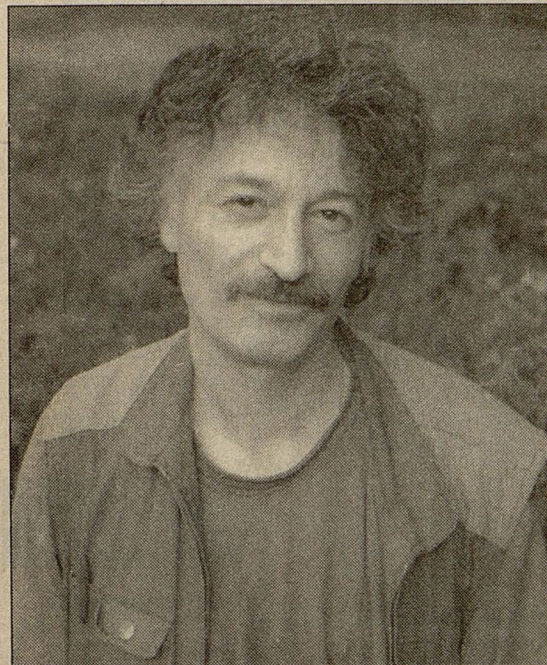
— В том-то и ужас, что общество даже не отдает себе в этом отчета, не осознает того наркотического воздействия, которое испытывает. Ты понимаешь, что от Фоменко останутся тысячи часов эфира, а от Бродского — два? А от Чухонцева — ни одного. И, боюсь, многие читатели "МК" сегодня вообще не знают, что есть такой прекрасный поэт!

— Разве влияние личности измеряется количеством часов эфирного времени?

— Влияние личности измеряется ее влиятельностью. А влиятельность сегодня зависит от ТВ напрямую. Естественно, пройдет 100 лет — и роли переменятся: Бродский останется Бродским, а Фоменко... Но мы говорим о том, что происходит сейчас. Это заблуждение — и опасное заблуждение! — что журналистика — четвертая власть. Нет, она — первая и единственная! И как власть несет огромную ответственность за все, что сейчас происходит.

— Например, за то, что шахтерам не платят зарплату?

— Все нынешние политики — все до единого! — сделаны журналистами. А эти политики и устроили то, что мы имеем. Вот ты делаешь сейчас интервью со мной. Ты выбрал меня, а не Ивана Кузьмича, мне, а не ему даешь возможность быть услышанным. Если я благодаря тебе приобрету влияние и использую его во зло, ты, что же, как бы и ни при чем? Я это говорю не для того, чтобы тебя или кого-то другого в чем-то обвинить. Я лишь констатирую факт: мы как общество — дети. Наше осознание собственной ответственности за свои слова и поступки инфантильно. Но еще опасней, может быть, то, что мы не осознаем, в каком мире мы живем. Компьютер — это

каменный топор новой цивилизации.

— Разве влияние компьютеров, ТВ и вообще техники до сих пор неосознано? Об этом не говорит только ленивый.

— Безусловно, многие частности осознаются. Но, как говорится, за деревьями не видят леса.

— Что ты имеешь в виду?

— В конце 20-х испанский философ Ортега-и-Гассет написал работу "Восстание масс". Это был первый шаг к осознанию того, что стало главным феноменом эпохи: в руках частного человека оказались средства, которыми раньше

обладало только государство. Но с тех пор прошла куча времени, и возникло так много нового — причем принципиально нового, что дальнейшие шаги в этом направлении просто неизбежны. Тем более что проблемы, ныне вставшие перед человечеством, в определенном смысле неразрешимы. Просто пример. Известно, как повлияло на всю историю России крепостное право. Но в конце концов один росчерк пера Александра II в 1861 году в принципиальном смысле "закрыл" проблему, над которой десятки поколений русских людей бились несколько сотен лет. Представим теперь, что все население Земли поставило свои подписи под неким Всемирным Экологическим Манифестом. Все — за! Не нужно быть большим провидцем, чтобы предсказать, что и в этом случае проблема не сдвинется с мертвой точки. Потому что экологическая проблема относится к проблемам принципиально неразрешимым. Не в том смысле, что ее не нужно решать, а в том, что ее нельзя раз и навсегда решить. И таких — неразрешимых — проблем сейчас множество.

— Все-таки для меня Виктор Коркия — прежде всего поэт и драматург. Чем ты занимаешься сейчас в своем истинном качестве?

— Хочу снять фильм с Чарли Чаплином в главной роли. Сценарий я уже написал, а в остальном — надеюсь, через пару лет мой персональный каменный топор даст мне такую возможность. Занимаюсь и просто театром. На сцене Студенческого театра МГУ, в котором были поставлены и мой "Бедный Сосо", и другие пьесы, сегодня можно видеть Джакомо Казанову. Трагикомедию о величайшем соблазнителе всех времен и народов мы написали с Александром Лавриным. А вообще в последнее время большинство моих пьес выходит под псевдонимами — Мольер, Лопе де Вега, Еврипид, Сервантес. Кстати, Лопе де Вега с большим успехом идет в том же Студенческом театре МГУ.

— Неужели Виктор Коркия пропустил Шекспира?

— Отнюдь. Недавно закончил первый акт "Гамлета". Дописываю второй.

— А зачем нам второй Шекспир?

— Второй не нужен. Я не могу и не собираюсь им быть. И работаю я в другом жанре — в жанре бессмертной комедии. Полное название моей пьесы — "Покойный шекспировед Александр Аникст объясняет Гамлету трагедию Шекспира "Гамлет". Это трагифарс о том, как человек не может понять, жив он или мертв. Или ни жив, ни мертв. Или уже умер, но еще жив. Или еще жив, но уже умер.

— А ты сейчас жив или мертв?

— Как не член Президентского совета РФ я не хотел бы отвечать на этот провокационный вопрос. Но как соавтор "Гамлета" отвечаю:

ГАМЛЕТ. В какое ужасное время мы живем!

АНИКСТ. В какое, милейший принц?

ГАМЛЕТ. В наше, друг мой, в наше!

Беседу вел Савелий КАШНИЦКИЙ.

Фото автора.